

Текстовое описание Интернет – проекта

«Забытый памятник незабытой войны»

Название проекта: «Боль моя - блокадный Ленинград»

Номинация: «Краеведы рассказывают»

Руководитель проекта: Сибгатова Дания Насыховна, учитель обществознания и истории, кл. руководитель 7б класса, руководитель кружка «Краеведение: пишем историю края».

Участники проекта: Сибгатов Адель, ученик 9 б класса.

Место реализации проекта: МОУ «Нурлатская гимназия» Нурлатского муниципального района, Республика Татарстан.

Они прошли все муки ада ...

На эту хрупкую женщину, которая ходит по нашей улице медленным шагом, опираясь на палку, нельзя не обратить внимания. Несмотря на возраст, её красота не померкла, но эти прекрасные, большие синие глаза на худеньком бледном лице чаще выражают страдание и боль. Не описать никакими словами тысячей доли тех тяжких испытаний, что ей пришлось перенести на своих хрупких плечах.

Её отец - один из первых трактористов района, стахановец Калимуллин Самигулла Калимулович, еще в 1959 году, после окончания Финской войны, завербовался на работу в Финляндию, в пос.Алга, что находился в 3км от Выборга. Через 9 месяцев забрал к себе и семью. Работал механиком и уже в первый день войны в 6 часов вечера ушел из дому и больше не вернулся, прислал лишь письмо, где просил жену вместе с детьми как можно скорее отправиться домой. Позднее, в 1943 году, родителям в дер. Бикулово он пришлет коротенькое письмецо, в котором сообщит, что был легко ранен, получил новый танк, завтра идет в бой в составе подразделения Шубина. А следом пришло извещение о том, что Калимуллин С. К. пропал без вести...

А семья его отправилась в путь лишь зимой. Их пришлось перевозить по льду на грузовиках-полуторках, и на всем протяжении пути они попадали под бомбёжку. В последний раз - почти у берега. И когда машина начала тонуть, детей стали просто бросать в воду, на лед, подальше от машины. Промокшая одежда сразу замерзала и стояла колом. Привезли их, как помнится Минзиннат Самигуловне, на станцию Свияжск, где уже не было целых зданий, все было разрушено. Их поселили в неотапливаемом подвале, и когда собиралось много народа, с потолка начинало капать. Тела умерших складывали рядом, в коридоре, как дрова, штабелями. Замерзшие, они с грохотом рассыпались, если кто-нибудь случайно задевал их. Дети сидели здесь весь день, а взрослые шли копать противотанковые рвы. Было жутко холодно и сыро.

А в феврале их вернули в Ленинград. Эту дорогу Минзиннат Самигуловна и сегодня не может вспоминать без слез и содрогания. Во время очередной бомбежки у матери начались роды, и ребенок родился здесь же, в траншее. Дядя Ваня Сидоренко разорвал на себе нательную рубашку, а совсем еще юный безусый боец Кравченко вытащил из вещевого мешка новые широкие портянки, чтобы завернуть малышку. Дядя Ваня, бережно взяв на руки крошку, пошел впереди вдоль траншеи, за ним следом шла под руки с Кравченко

обессилевшая Минруй апа, а две сестренки, восьми и шести лет, замыкали шествие. Мать, обернувшись, едва успела проговорить: «Доченьки, не отставайте!», как рядом с траншеей разорвался снаряд, и девочек отбросило волной далеко в сторону и засыпало снегом и землей. Очнулась Минзиннат уже в госпитале. После сильной контузии она не слышала. Выжить же ей помогло то, что её голова и правая рука остались открытыми, и её быстро нашли. Когда пришла весна, в детском приёмнике в Ленинграде её разыскала мама. Минзиннат Самигуловна и сегодня считает, что это была первая в её нелегкой жизни самая большая радость. Они вернулись в Ленинград, где сполна испытали все муки блокадного героического города - голод, холод, бесконечный страх за свою жизнь и жизнь близкого человека. Мать остригла дочку и одевала её как мальчика, боялась, что может оказаться в недобрых руках, даже документы её переоформила. Сама она работала на военном заводе под открытым небом, получая паёк - по 200 г. блокадного хлеба, а дети - по 125г. Однажды мать потеряла продовольственные карточки, и они неделю кипятили талую воду с солью, после чего их худые, почти высохшие тела стали разбухать.

Из рассказа матери Минзиннат узнала, что в тот злополучный день едва родившейся ребёнок так и погиб на руках Сидоренко, тело которого разорвало на части. Был убит и Кравченко, осталась в живых только мать, раненная в плечо и ногу. Её раны еще долго не заживали, кровоточили до конца войны. О судьбе сестренки они так ничего и не узнали.

Ленинград так и запомнился на всю жизнь сплошными непрерывными бомбежками, и в городе постоянно было светло как днем. Гул самолётов не прекращался, они налетали, как стервятники, стаями и всегда что-то сбрасывали: вначале это были изувеченные тела евреев в мешках, позже - листовки с призывом сдаться, и, конечно же, они никогда не жалели бомб. Бывало, только соберут всех раненных в одно безопасное место, так нет, обязательно в следующий раз именно сюда прилетят и живого места не оставят.

28 января 1944 года их вывезли из Ленинграда. Путь через Сибирь был очень долгим и мучительным, три месяца в товарном вагоне-теплушке, без остановок на крупных станциях, и на каждой остановке – вынос трупов. С Минруй апа и Минзиннат ехало ещё больная сестра Самигуллы Калимулловича. Однажды, на станции близ Челябинска, мать впервые за долгий путь получила горячий бульон. Оставив бульон возле девочек, и предупредив, чтобы его пока не трогали, побежала за хлебом. Но слишком велик был соблазн для измученных голодом детей, и сестра, не стерпев, жадно припала к котелку и два-три раза глотнула бульон. Затем, как - то странно вздохнув, словно поперхнувшись, откинулась назад и... мгновенно умерла. Сестру сняли с поезда, и пока оформляли документы на факт смерти, мать отстала от поезда. Догоняла свою дочь на открытой платформе следующего товарного поезда. Она была в фуфайке и тонком платке, и в Нурлат приехала с сильно обмороженными руками...

В Нурлате и мать, и дочь попали в заботливые руки доктора Ш. Ю. Арвеладзе. Девочка долго заикалась, плохо слышала, в школу учиться пошла только в 1947 году, когда слух постепенно восстановился. А легкие пришлось лечить долго и упорно, почти два года, 14 месяцев из которых девочка провела в Чулпановской больнице под зорким оком знаменитой К.И.Березиной, которая нет-нет да забирала девочку к себе домой переночевать. По приезду в родные края завели 4 коз, чье молоко после утренней и обеденной дойки ежедневно по три литра девочка носила в больницу и в госпиталь раненым. За это она

была неоднократно поощрена, имеет три медали, в т.ч. «За доблестный труд в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.г.».

А дел всегда и всем хватало, с 12 лет работали в колхозе на сортировке хлеба, с 14 лет наравне со взрослыми таскали тяжеленные мешки. Жили в маленьком деревянном домике при ферме, спали под брезентом на сене, одежка была кое-какой, одолевали вши. И всё же жизнь налаживалась. Она уехала в Сибирь, вышла замуж, родила двух сыновей. Но ее замужество оказалось коротким, сахарный диабет унес из жизни мужа, и осталась она с малыми детьми на руках. Пережила семья и большой пожар, в котором, помимо прочего, погибли документы и письма отца. Испытаний горьких в жизни было немало. Но рядом с ней всегда была ее строгая, добрая и заботливая мама-удивительно мудрая и терпеливая женщина с непререкаемым высочайшим авторитетом среди тех, кто её знал. Она прожила большую жизнь, но когда умерла, соседи искренне горевали, что на их улице «погасло солнце». Эта сильная женщина всегда шла на помощь любому, кто нуждался в поддержке и заботе, умела находить единственно верное решение и выход в любой, казалось бы, безвыходной ситуации. У неё были огромное сердце, трудолюбивые руки и поразительное терпение. Эти качества она постаралась передать их дочери.

А Роза Александровна Никматулова где-то в конце 90-х случайно в одной из центральных газет узнала о розыске блокадников Ленинграда и решила отозваться. С января 1998 года она - “житель блокадного Ленинграда”. И по праву. Те страшные дни врезались в память её прочно и навсегда...

Довоенное детство её было счастливым. Она жила с мамой в Кронштадте, отца не помнит, родители рано разошлись, причин она не знает. С мамой ей было хорошо, была она грамотной, партийной, работала строителем, хорошо зарабатывала. Каждое лето детей вывозили на отдых под Ленинград. А какие замечательные были выходные! Их ждали с особым нетерпением. Едва заширкают метлы дворников по дворам, как детвора, проснувшись, выбегала на улицу, где вскоре появлялись поливальные машины, чтобы помыть дороги и тротуары. Дети, визжа от удовольствия, вставали под эти струи и буквально купались, умывались холодной водой. Это доставляло им истинное удовольствие и радость. Роза ходила в садик, ждала, что вот-вот пойдёт в школу. Но война разрушила все их планы. Довелось ей походить в первый класс лишь месяц, но за этот месяц дети повзрослели на несколько лет. Самым первым воспоминанием о войне было огромное красное зарево со стороны Ленинграда. Это горели Бадаевские склады – продовольственные запасы города на 10 лет. Прошло совсем немного времени, как и в Кронштадте разбомбили пищекомбинат, и город также остался без основных запасов продовольствия. По улицам текло разлитое растительное масло, в огне погибало всё, что копилось годами. Наиболее расторопные хватали то, что ещё можно было унести.

Вскоре в городе появились карточки. Как страшный сон вспоминает Роза, как однажды послала её мама получать продукты. Выстояв очередь, она уже взяла было авоську, которую подала ей через прилавок продавец, как какой-то мужчина, вырвав продукты из её рук, побежал прочь. Опухшая от слёз, девочка долго ходила по улицам, пряталась, боясь идти домой, пока её не разыскала мама. В городе было уже голодно, холодно, и мать пошла за помощью в исполком. Помогли. Буквально через улицу- напротив стояла воинская часть. Когда мама начала работать, девочку “пристроили”, и она стала ухаживать за маленьким ребенком, ежедневно ходила нянька к своему воспитаннику, так

и носила его целый день, пристроив на своём животике, сцепив руки. Вскоре детей прикрепили за воинской частью и в течение месяца хорошо кормили. Поздней осенью мама заболела, и некоторое время спустя она умерла. Случилось это ночью. Проснувшись, Роза не смогла добудиться матери, чтобы с ней вместе сходить в туалет. Ночью окна были плотно занавешены, поэтому было темно и страшно. Мать так и не проснулась, а девочка, прижавшись к холодному телу матери, 3 дня лежала в совершенно мокрой постели, застывшая от горя и страха. В соседних квартирах никого уже не было, ее плач услышал дворник, и замерзшую, голодную, полуживую девочку принесли в воинскую часть. Несколько дней по радио объявляли о найденной девочке, надеясь на отклики родных, затем отправили в приют, а вскоре и в детдом. Так началась её сиротская жизнь. Хотя и кормили детей неплохо, но обязательно они оставляли при себе кусочек хлеба, чтобы растянуть удовольствие до обеда. А обогревались около большой железной печки, обхватив её детскими ручонками.

А однажды зимой 1942 года детей подняли ночью и в спешном порядке, по льду через Финский залив, на лошадях повезли в речной порт Ораниенбаум, что находился недалеко от Ленинграда. От былых красивейших старинных строений ничего не осталось. Порт был разрушен. Детей привезли в какую-то чудом сохранившуюся комнату, покормили - о, чудо!- большая тарелка горячей рисовой кашей с маслом, от которой шёл пар! Да ещё и компот в придачу с добавкой! Правда, доесть всю тарелку не хватило сил. «Ну вот, уснула!»- это уже сквозь сон... Дальше их повезли на автобусах. Роза сидела на переднем сидении, и ей всё было хорошо видно: и то, как вдоль всей Дороги Жизни стояли в полушубках регулировщики с флажками, и как ехали автобусы с детьми. Лёд был непрочный, ведь дорогу постоянно бомбили.

Дорога работала в основном ночью, едва начинало рассветать, вражеские самолёты тут как тут. Вот и здесь, ехали с очень большой осторожностью. Но избежать беды не удалось. Первый автобус прошёл благополучно, второй на глазах изумлённых детей провалился под лёд в одно мгновение. Визг, крики, огромный столб воды и много-много пузырей. Следующим шёл автобус, в котором ехала Роза. Лёд под ними тут же заколыхался, все замерли, насторожились, и в автобусе наступила жуткая тишина. И взрослые, и дети понимали, что смерть совсем рядом. Объехав благополучно страшную воронку, продолжили свой опасный путь. Что было дальше, Роза не помнит, проснулась лишь тогда, когда их уже загружали в теплушки. На настилах рядами были уложены дистрофики, и взрослые, и дети, и трудно было поверить, что в этих костлявых телах ещё теплится жизнь. Тем не менее, очень многие выжили, поправились, выросли. Позже, уже в 1943 году, часть из них нашла своих родных, а часть отправилась на фронт после краткосрочных курсов связистов. Вывезенных из Ленинграда детей привезли тогда в Нерехту Костромской (Ярославской) области. Довезли тоже не всех. Налетели вражеские самолёты и начали поливать всё огнём, не обращая внимания на красные кресты на вагонах. Это была жуткая картина. Дети выглядывали из окон, а им кричали: «Не подходите к окнам, собирайтесь в середину вагона!». Фашисты же наслаждались своей властью. Они вновь и вновь возвращались и косили людей. Вагон швыряло из стороны в сторону, машинист то резко нажимал на тормоза, то мчал состав из последних сил - в его руках были сотни жизней. Один из вагонов загорелся. Бригада сопровождения быстро отцепила его от состава, вытащили, кого могли, из огня, загрузили по вагонам и снова в путь. Бомбили их всю дорогу, но чем ближе к пункту назначения, тем реже. На крупных станциях выносили трупы, давали еду, но воды не было. К вагонам подбежали люди, глядя

на высохшие тела, плакали и спрашивали, называя фамилии, но чаще слышали в ответ короткое: «Нет!».

Когда их привезли на Большую землю, то отделив ленинградских от кронштадтских, распределили по детским домам в населённых пунктах. Сколько было слёз расставаний! И надежда. Надежда, что и их кто-то разыщет и заберёт к себе. Дети очень долго «отходили», отправлялись после пережитого, лечились, отдыхали. Жили дружно, по хозяйству управлялись сообща. Всё было распределено: дежурство на кухне, в прачечной, в мастерской, старшие ухаживали за младшими, и одна воспитательница вполне управлялась со всеми. Они часто помогали колхозу: убирали капусту, теребили лён, собирали ветки, веники, и чем бы ни занимались, всегда рядом была песня. Песни записывали по очереди, слушая радио, а затем дружно разучивали. В 1-2 км от станции находился госпиталь, куда они часто наведывались с концертами. Возили они раненым и подарки – вышитые кисеты, которые они шили из кусочков материала, что оставались после пошива одежды. А обшивали себя тоже свои девочки в детдоме. Летом на лошадях ездили далеко в лес, чтобы собрать лекарственные травы. Очень хорошо отложился в памяти Розы Александровны обед в деревне во время сенокоса. Детей посадили за длинные широкие столы и поставили перед ними миски с большими кусками мяса и нарезали большие ломти деревенского хлеба. Дети ели, а взрослые стояли у порога и, глядя на детей, утирали слёзы.

По сей день Роза Александровна с болью вспоминает свою ровесницу Веру Кулагину, с которой жила в детдоме. Её папа был военный и очень часто присылал в детдом подарки, конфеты, шоколад, присылал белую-белую бумагу и ...цветные карандаши! У детей была редкая по тем временам возможность рисовать, к ним даже с соседней станции приходил учитель, проводить уроки рисования, и некоторые рисунки детей отправляли на различные выставки. Когда кончилась война, все с нетерпением ждали возвращения папы Веры. Но им не суждено было встретиться, в июле 1945 года он погиб в Берлине. Всем детдомом оплакивали сиротство Веры, словно каждый из них хоронил своего отца. Конечно же, всем недоставало внимания, материнской ласки, тепла и заботы. Поэтому Роза Александровна очень хорошо запомнила особое к себе отношение заведующей детским домом Елизаветы Павловны, которая позволяла ей ухаживать за своей трёхлетней дочерью, давала различные поручения, доверяла. Впрочем, честность была главным качеством в отношениях между людьми - и взрослыми, и детьми. Сама Роза Александровна на всю жизнь запомнила урок, который ей преподала мама. Однажды на чьих-то похоронах, когда ей было лет 5, ей приглянулась кукла, и она без спроса взяла её с собой. В дороге мать заметила это и отправила Розу одну обратно. Идти было страшно, уже темнело. Тем не менее, она дошла и, положив куклу у порога, побежала домой. Оказывается, мама шла следом, дочь бросилась в объятия матери, и долго еще они плакали вдвоём.

После шестого класса Роза стала учиться в ремесленном училище №8 при Ярославском тормозном заводе. После ремесленного уехала на Север, в город Киров на нефелино-обогатительную фабрику, где проработала 9,5 лет. Училась в вечерней школе, ежегодно по путёвке ездила отдыхать под Ленинград. Поиски родственников ни к чему не привели. Тем более, что в том затонувшем автобусе на Ладоге были их документы. Она пережила развод с мужем, трагическую смерть сына, живым вернувшегося с Афганистана. Но она не отчаялась. Она привыкла полагаться в жизни только на себя...